

В начале лета 1989 года, часов в 10 вечера, мы ехали втроём (Андрей, моя первая жена Нина Керцелли и я) со станции «Проспект Вернадского» в центр, в практически пустом вагоне. Когда мы подъезжали к «Спортивной», мы услышали рёв толпы, а потом и увидели её. Вся платформа была забита возвращавшимися с концерта металлистами. Металлисты, в состоянии крайнего возбуждения, все в чёрном, рванули в вагон, заполнили его до отказа, зависли над нами, долго не давали дверям закрыться, а когда поезд, наконец, тронулся, кто-то закричал диким металлическим голосом: «АйСи-ДиСи!», и весь вагон хором ответил: «ЙЕЕЕ!». И далее по списку: «Металлика!» — «ЙЕЕЕ!», «Лед Цеппелин!» — «ЙЕЕЕ!»...

Туркин, который сидел тихо в клетчатой рубашечке с короткими рукавами и с офицерской планшеткой на верёвочке через плечо, вдруг встал, расправил плечи, поднял руку с двумя пальцами вверх и звонким голосом произнёс: «Майя Кристаллинская, Йе!». В вагоне стало слышно, как кричат в соседних и стучат колёса. Туркин, оглядевшись по сторонам, громко заявил: «Эдита Пьеха, ЙЕ!». Все металлисты повернули свои головы в нашу сторону. «Валентина Толкунова, Йе!» «ЙЕЕЕ!», — закричали металлисты. «Лев Лещенко!» — «ЙЕЕЕ!», «Иосиф КОБЗОН!» — «ЙЕЕЕ!». Поезд остановился на «Парке Культуры», двери открылись, металлисты подняли Туркина

в воздух и вынесли на платформу. Вагон опустел, двери закрылись, поезд поехал, и было видно, как Туркина на руках несут на выход. Через пару дней он объявился после долгого и продолжительного веселья с металлистами.

Может быть, кто-то из участников этого события прочтёт это воспоминание и сможет что-то добавить к моему рассказу?